

А. Костерин. Асир - Абрек Чеченская песня.

Была ночь. Апрель, а ветер хлестал дождем и снегом, с плачем и стоном метался по горам, ревел в ущельи, перекликался по вершинам. В ущельи, темном, мгlistом и днем, сливались два потока, гулко бились у скал. Ущелье то надрывно вскрикнет от боли, то гневно взвывает, - дрожат скалы, с рокотом сыпятся камни...

Слезятся струйками воды стены сакли, обваливается глина, обнажая ребра стен. В щели рвется ветер, струйками ползает по спине. В широком горле печи жарко тлеют угли, трещат поленья, рассыпая искры. Тянет жаром, багровые блики рдеют на посуде, на лицах, кроваво вспыхивают в глазах.

Полулежа на подушке и войлоке, я слушал, как ревела черная ночь над саклей, прислушивался к гортанным звукам разговора хозяина и его гостя. Хозяин, молчаливый горец-чеченец, спас меня от добровольцев, укрыл в своем горном хуторе. Знал он по-русски слово "кушать" и несколько ругательств. Сидя на корточках в оборванном бешмете, внимательно слушал гостя.

У гостя, Аслана, тонкое, хищное лицо, нервные, тонкие губы под усами. Движения мягкие, кошачьи, рассчитано скупые и ловкие. По знакомым словам и ругательствам я догадываюсь, что беседа идет о казаках-кадетах, о мужиках-большевиках, о борьбе на плоскости.

Был 19 год. По стране в зареве пожаров хлестали свинец и сталь. Трели и переборы пулеметов, гул орудий, топот миллионов, - металась страна по расхлябаным дорогам при разбитых паровозах, в разбитых вагонах, мимо вокзалов - червивых, вшивых, трупов с выдавленными окнами и дверями...

Был 19 год, на плоскости пылали станицы и аулы, дрожали предгорья от грохота орудий. Под перевалом со снежных вершин слышен гул равнин, топот миллионов. Свыше пяти тысяч красноармейцев укрылось среди лесов, скал, ущелий. Шли мы по узким тропинкам, что царапаются над пропастью и прыгают через пенные потоки по зыбким мостам. Ушли под перевал, разбрелись по хуторам и аулам, пасли стада коз и баранты, ковыряли землю и ждали... Ужин только что кончился. Спать рано. Оставалось слушать, как перекликаются, дрожат и стонут горы, хлещет ветер дождем и снегом...

Скоро месяц, как живу в горах. И за этот месяц только один раз видел русских, которые шумным табором - женщины, дети, красноармейцы - прошли через тихий хуторок, прилипший на скате ущелья за перевал. За этот месяц я близко познакомился с несложной жизнью горца-чеченца, с его небольшим хозяйством.

Я уже знаю молитву, которой учит меня Айша - сестра хозяина, дикая красавица, гибкая, с небольшой грудью, с красными, точно надкусанными, губами. Она же учит меня своему языку и уговаривает принять мусульманство.

Я ее немного боюсь, когда она близко задорно склоняется надо мной, звонко засмеется, сверкая зубами и черными глазами. И вместе с тем чувствую, как прирастают ко мне горские замашки, настроения, растет близость между мной и Айшей. - Что, товарищ, скучаешь? - неожиданно обратился ко мне Аслан.

Говорил гость по-русски хорошо, что редко встречается у горцев. Спросил его, учился ли он где. - Нет, в Сибири пять лет был, в ссылке... - За что же вас туда угнали? - За Зелим-хана... Знаете Зелим-хана! - Да, слышал... абрек?

У Аслана блеснули глаза, рука затеребила кинжал. - Да, абрек... Только по-русски это выходит разбойник, вор, не хороший человек, а понашему абрек, который за свободу бьется и умирает...

В глазах Аслана сухой блеск огня. Тонкое, хищное лицо напряженно застыло, вздрагивали губы под усами...

- Большой человек был Зелим-хан, сильный и гордый... В 11 году окружили его в пещере, войска нагнали - роту солдат, три сотни казаков, полицию, пулеметы, орудия. Заняли все пути, все выходы. А Зелим-хан в пещере-то один.

Прислали к нему солдата: "Сдавайся, Зелим-хан, нет тебе выхода"... - Посмеялся Зелим-хан и отвечает: - "Пусть ко мне придет тот, кому я нужен, и покажет бумагу от самого царя, что все штрафы с бедных людей будут сняты, будут освобождены все из ссылки, тогда я сдамся"...

Бумаги ему не дали, да и самого в пещере не нашли, - ушел и не видели, куда и как ушел, а через месяц в Хасав-Юрте казначейство ограбил...

Аслан достал кукурузный листок, шамиль-табак и скрутил папиросу. - Абрек, это - большой человек, сильный, - продолжал Аслан. - Был у меня кунак большой, лучше брата родного - ингуш Сослам-бек, с Зелим-ханом ходил. Флейшер-генерал хотел аул разорить, где жил Сослам-бек. Тогда Сослам-бек послал жену к генералу и сказал: "Если генерал меня не повесит, а расстреляет, то я сам явлюсь"...

Повесить позор большой для абрека... Флейшер обещал не вешать его, а расстрелять. Сослам-бек пришел... Генерал - сволочь, его слово, как хвост собачий, - он повесил Сослам-бека...

Аслан замолчал, неподвижно уставился на огонь, слушал горные переделки, стон ущелья, хлюпанье дождя у порога. Долго не прерывалась тишина и молчанье сакли. Ласково вспыхивал костер, угли жарко тлели и мигали... Вдруг с тонких губ Аслана сорвались звуки. А ветер выл, хлестал дождем и снегом. В ущельи грызлись два потока, переключались вершины. С шумным шорохом катилась ночь по горам, ущельям, со свистом плясала у сакли...

Вспомнилось, что тревога гуляет на плоскости, вспомнилось, как отступали к горам, густо поливали кровью мерзлую земную корку, а вслед горласто орали орудия, чокали пули... По ночам полнеба охватывало зарево промыслов, опускалась чуткая тишина...

Разбитые уходили в горы... Тишина в сакле, багровое горло печи с треском сыпало искры, бросало жаром и вспыхами по сакле...

- Это песня об Асир-абреке, - тихо сказал Аслан, боясь спугнуть тишину, - хочешь, расскажу...

"Богат Кавказ, красив Кавказ, буйны потоки его. Нет такого солнца в мире, нет такого неба, каким благословил Аллах горы свои. От моря и до моря лег богатырь Кавказ. Утесы и вершины, седой Казбек гордо смотрят на серые степи России, на бесплодные земли Падишаха...

А в груди Кавказа бесчисленные богатства - золото, серебро, железо. Кровь Кавказа - черная кровь, слезы Кавказа - целебные, лечит ими своих детей. Как богач гроши, выкидывает он бесценные богатства жадным, ненасытным людям...

А было время - другие были люди. Не те, что теперь живут на теле Кавказа, как паразиты. Другие были люди: они не искали золота, они не рвали грудь Кавказа, не пили его черную кровь. А были те люди смелы и свободны, как был свободен отец их, Кавказ...

А когда пришли с Севера враги, шашкой и пулей встретили их свободные горные соколы. Бурей откликнулся Кавказ, задрожали скалы и утесы, заревели потоки в ущельях... Полвека бились. Пали лучшие сыны Кавказа, спаслись гнилые и слабые. Некому стало защищать мятежные горы. Сковал победитель цепями Кавказ, рабами сделал его детей. А дети рабов еще худшие рабы и никогда, никогда им не узнать свободной жизни...

Лишь иногда среди рабов блеснет джигит, смелый и свободный, и умрет одинокий в бою с тоской и болью об утерянной свободе. А после смерти джигита толпа трусливых рабов ликует. Лишь Кавказ тоскует о погибшем джигите и хранит в глубине ущелий и гор песни о погибшей, но могучей душе. Трусливые, жалкие рабы спокойно слушают эти песни, а потом...потом мирно пахут, сменив шашку буйной свободы на плуг позорного рабства. И тогда Кавказ, как сегодня ночью, стоном стонет, седые горы плачут горячими слезами, черная кровь сочится из ран...

Разве не слышишь ты, слушай, как зовет Кавказ: "Сыны могучих отцов! Отчего вы так жадны к грошам моим - к металлу и хлебу - и так презираете мои сокровища, которым нет цены? Отчего вы не берете силу яркой и смелой жизни, любовь к свободе?"

Но... молчат рабские аулы, глухи они к горным призывам...Оттого грустен Кавказ, суровы и печальны песни его..."

Аслан оборвал рассказ, молча смотрел на огонь. Кроваво вспыхивали глаза. Подбросил дров и глухо, будто с трудом выдавливая слова, продолжал: "Лишь один Асир никогда не пахал, не сеял и не торговал во всем ауле. Все жили непосильным трудом и, как рабы, хотели только сытости и покоя. Асир же жил ночной добычей за буйным Теремом у сытых станиц. Его мятежная душа искала свободы, тешилась веселой абреческой игрой среди станиц. Не было власти для него, не было закона, ненавидел он рабов и гордых северных победителей..."

Однажды на свадьбе увидел Асир красавицу Нанту. Сам не свой стал Асир, и скоро все мысли и чувства были заняты ею одной... А Нанта? Нанта не любила джигита, и напрасно добивался Асир ее любви. Возил ей шелк и драгоценности, бросал к ногам Нанты и говорил: - Это не потом и не рабством добыто, а силой. Хочешь докажу тебе мою любовь: требуй невозможного, я или выполню невозможное, или погибну... Но холодной

оставалась Нанта, и безжалостен был ее ответ: - Дары твои принимаю, чтобы не оскорбить тебя, ты прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Точно ножом резала Нанта сердце Асира...

Однажды ночью в ауле раздались выстрелы, крики, лай собак. По улицам бежали вооруженные мужчины, скакали всадники. Выскочил и Асир с винтовкой и смешался с толпой, которая слушала жалобно причитавшую старуху: "- Увезли, злодеи, увезли дочь мою... Аллах, о-о-о, спаси ее, спаси дочь мою?..

Асир не узнал ее в темноте, но старуха вдруг с плачем и проклятьями завывала: - Нанта, Нанта, кто даст теперь отдых костям моим?.. Тоской сжалось сердце Асира: "Так во-от... сбежала с любимым"...

Бросился домой, вскочил на коня и два дня носился за Терекком у станиц, два дня топил злобу и тоску в крови казаков... А когда вернулся в аул, узнал радостную новость: Нанту похитили против ее воли. Через верного человека Нанта передавала Асиру, чтобы доказал любовь свою.

Догадался Асир, о чем просила Нанта. Наточил шашку, осмотрел винтовку и выехал из аула. Нанту похитил Ахмат, сын богатой и сильной семьи в соседнем ауле, и сегодня у них свадьба. Не добрым гостем ехал Асир на веселую свадьбу.

Подъехав к дому Ахмата, Асир сдвинул бока коня, пригнулся, гикнул и перелетел через плетень во двор. По принятым обычаям Асир показывал искусство джигитовки, а сам зорко смотрел кругом и скоро увидел Нанту в толпе женщин под прозрачным покрывалом.

Переглянулся Асир с Нантой и отъехал от толпы. Резко осадил коня, вздернул на дыбы, гикнул и бросил вперед бешеным прыжком. Толпа разбежалась, раздался выстрел из винтовки Асира. Тогда Нанта бросилась навстречу Асиру. Еще миг - и подомнет ее конь под себя. Но в следующий момент все увидели ее на руках Асира, а сильный и быстрый конь вновь перелетел через плетень. Только легкое облачко покрывала осталось на плетне.

Крики, выстрелы, друзья Ахмата бросились к лошадям, но Асир уже скрылся.

Мчится Асир, крепко прижимает Нанту. Рвет бурку ветер. В груди кровь горячее огня жжет сердце, а тело дрожит в лихорадке. Скачет Асир, шепчет Нанте: - Нанта, Нанта, скажи, любишь ли ты меня? Скажи и не надо тогда мне жизни. Хочешь, бросимся сейчас вместе в пропасть? Умрем, Нанта, хочешь? Безумные слова рвались из разгоряченной груди Асира, а Нанта молчала. И Асир, боясь себя, боясь ответа Нанты, безжалостно гнал коня, своего лучшего друга, который был ему дороже всего на свете.

У порога дома Асира конь весь в пене, тяжело дрожа, упал и сдох. Не видел Асир смерти своего лучшего друга, перед ним стояла Нанта, смущенная, не смея поднять глаза на него. - Нанта, Нанта, - шептал Асир и крепко сжал ее руки. - Оставь, - и вырвала девушка свои руки. Потом, смело посмотрела ему в глаза и сказала: - Ты могуч и прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Побледнел Асир, злобная усмешка скривила лицо: - Любишь ли ты хоть кого-нибудь? С усилием подавляя смущенье, Нанта ответила: - Да, люблю, люблю так же сильно, как ты меня... люблю и не могу жить без Кагермана...

- Кагермана торговца? - закричал Асир.

- Да, его... Взбешенный, бледный Асир бросился к Нанте, блеснул кинжал.

Нанта шагнула навстречу, подставляя грудь под сверкавший клинок.

Взглянул Асир в глаза Нанте, и задрожала рука, выпал кинжал, со звоном ударился о камень.

- Убей, Асир, - дрожали побелевшие губы Нанты, - убей, ты в праве взять мою жизнь... Но Асир был уже спокоен. Молча взял Нанту за руку и повел ее к дому Кагермана.

Навстречу им вышла старуха-мать Кагермана. - Вот невеста твоего сына, - сказал Асир, - они любят друг друга, да благословит Аллах их союз. Кагерману же скажи, чтобы избегал встречи со мной. А почему, пусть скажет Нанта... Сказал и спокойно ушел, ни разу не оборачиваясь.

Прошло пять лет..." Аслан вновь неожиданно оборвал рассказ и настороженно прислушался. Вздрыгнул и хозяин, - прислушивались оба к вою бури за стенами. И почти тотчас же раздался лай собак. Хозяин неслышно встал и открыл дверь. Ворвался в саклю сырой и холодный ветер, глянула черная ночь.

- Миль ву?1 - крикнул хозяин. Из тьмы послышался ответный крик. Хозяин вышел во двор и захлопнул дверь.

- Зайда, - позвал громко жену, - хаволь!.. За дверями заглушенный говор, топот лошади, лай собак.

- Даяль, даяль... - гнал хозяин собаку и скоро вошел в саклю с горцем. - Марш айль, марш айль...

Зайда и Айша внесли седло и хуржины. Вновь прибывший был старик, но еще бодрый и по-молодому гибкий и сухой. Аслан освободил ему место у огня. Старик сел, по-своему, любовно, переложил дрова и в нескольких словах ознакомился с хозяином, с его гостями и представил себя, назвав свой аул и семейную фамилию. На вопрос, обычный ко всякому вновь прибывшему: "Хабар ю?"3 - старик стал быстро рассказывать, то привставая, то садясь и запихивая ноги или руки в жаркое горло печи, то вновь гибко по-молодому поворачиваясь к слушателям.

Сидел в нем какой-то непоседливый живчик, не давая покоя его сухожилистому телу.

Аслан коротко передавал мне новости старика. Ехал старик из Ведено. Там ожидают приезда Шейха Имама Чечни и Дагестана Узума-Хаджи. Шейх объявляет священную войну против казаков, призывает всех правоверных под зеленое знамя пророка.

Уже несколько недель идут по горам тревожные слухи о близком восстании горцев. Из аула в аул, из хутора в хутор, по вершинам утесов бежит тревога, зовет к оружию. Шли слухи о приближении Красной армии. Слухи наползали неизвестно откуда, а тревога росла, росло недовольство, дорожали винтовки и патроны...

Вошла Айша. На широком деревянном подносе принесла цицкаль и берем. Широкое платье не скрывало мягких, упругих движений. Бросила на меня задорный блеск глаз и, пряча улыбку, скрылась на женской половине.

Старик подсел к подносу.

- Кушай цицкаль, - обратился ко мне.

- Барахалла, - поблагодарил я, слегка поднявшись.

Старик выполнял горский обряд, - угощать младших, заранее ожидая отказа. Попросив о том же Аслана и хозяина и получив такой же отказ, старик стал быстро есть и не переставал рассказывать "хабар".

Плоскостные аулы покорились кадетам, но прячут кукурузу, увозят жен и детей в горы, закупают патроны. Все ждут только приезда Шейха, чтобы пойти на казачьи станицы. Не забыл старик сообщить и последние цены на винтовки и патроны, пожелав торговцам проклятье Магомета.

После ужина старик встал на молитву и быстро зашептал "Бисмилла рахма иль рахим"...

Молча и бесшумно вошла Айша, убрала поднос, сделала постель. Старик помолился, лег, завернувшись в бурку, и скоро заснул. Ушел спать и хозяин на женскую половину. Остались мы вдвоем, но Аслан как будто забыл про песню, молча следил, как трещали поленья, слушал дикие горные переделки. Я окликнул его. Он вздрогнул, взглянул на меня и сел поудобней.

"Прошло пять лет. По всей Чечне гремело имя Асира-абрека, отвергшего и бога и людей. Асира прокляла вся страна, его именем пугали детей. Асир ненавидел людей-рабов, убивал, жестоко мучил их, никому не давая пощады. Он ругался над святыми заветами адата, осквернял коран и его истины...

Проклял Асир тех, кто, как зверя, травил его, не видя его великой тоски по человеку, мстил им за себя. А Нанта, слыша ужасы об Асире, задумчиво покачивала головой и вспоминала былые дни...

Нанта имела уже детей и не стало былой красоты. Из девушки, за которую бились лучшие джигиты, превратилась Нанта в заботливую хозяйку и мать. Кагерман был первым богачом в ауле, пользовался почетом, любил жену и детей. Но, вспоминая прошлые дни, Нанта чувствовала, что есть в них что-то, чего не давали ей ни Кагерман, ни дети, ни богатство, ни все заботы по хозяйству.

Пыталась Нанта забыть и отогнать воспоминания девичьей жизни, но они упорно возвращались, будили желание изведать иную жизнь, жизнь вне сытого довольства...

Однажды весь аул взволнованно-радостно высыпал на улицы: люди со злобной радостью передавали друг другу, что убийца и вор Асир-абрек ворвался в казачью станицу, был убит, а тело его выбросили шакалам...

Трусливые шакалы растащили тело абрека, но осталась по нем песня. И будет песня жить до тех пор, пока есть еще сильные люди среди Кавказских ущелий...

Услышала Нанта о смерти Асира и низко склонила голову. Крупные слезы брызнули по лицу... О чем плакала Нанта - Аллах ведаёт: темна душа человеческая, ещё темней душа женщины..." Всю ночь ревела буря над горами. Всю ночь два потока стонали и плакали у скал. Всю ночь хлестал ветер дождем и снегом, с хохотом и свистом скакал по вершинам, сдувал лавины, снежным вихрем плясал по утесам и ущельям...